

Один повернулся лицом к балкону и положил на него руки. "После того как Хела расправилась с валькириями, — сказал он, — я отправился в Нифльхейм, чтобы покончить с этим раз и навсегда, но я не смог поднять Гунгнир против собственного ребенка. Вместо этого, чтобы ограничить ее силу, я стер ее из памяти моего народа. Среди жителей Асгарда было много тех, кто с теплотой вспоминал эпоху завоеваний и ждал того дня, когда я верну им их принцессу. Без их поддержки она никогда больше не пыталась сбежать". Он сделал паузу. "Возможно, именно страх, а не мудрость заставил меня скрывать ее даже от вас, но я надеялся, что если я воспитаю тебя и твоего брата совсем не так, как воспитывал Хелу, этого будет достаточно, чтобы вы не стали такими же, как она".

"И поэтому ты никогда не давал мне полного доступа к моей силе?"

"Да", — сказал Один. Это признание ошеломило Тора. "Сила - соблазнительная вещь, а у тебя ее больше, чем у других. Мой отец воспитал меня в духе того, что тот, кто обладает наибольшей силой, достоин властвовать над более слабыми существами. Трудно увидеть зло этих рассуждений, когда ты всегда был самым сильным. Вот почему я с ранних лет принимал меры, чтобы ограничить твои способности".

"Что заставило тебя прозреть?" - спросил Локи. Все трое посмотрели на него. Он молча слушал несколько минут, и Тор, сосредоточившись на Одине, не замечал реакции брата на все, что они говорили. Он по-прежнему обнимал Фриггу, и выглядел бледнее обычного, но невозможно было сказать, о чем он думает. "Почему прекратились завоевания?"

"Это была война между асами и ванами", — сказала Фригга, взглянув на Одина, который тяжело вздохнул. "Одно дело - завоевывать чужие земли, но совсем другое - повернуться и завоевать ту самую землю, из которой вышел всего три поколения назад".

"Вначале, — сказал Один, — я верил, что переход Ванахейма под власть Асгарда пойдет на благо. Мы вели наших братьев и сестер к процветанию, и они отблагодарили бы нас за это". Он горько рассмеялся. "Ваны не соглашались, однако когда я увидел, что Хела применяет против них ту же жестокую тактику, что и против менее двусмысленных врагов, моя уверенность в правоте нашей операции начала колебаться. Тогда же я встретил Фриггу".

Он улыбнулся ей, и в его взгляде было столько любви, что Тор почувствовал легкое смущение..

"Король Фьёргинн послал ее на переговоры со мной, и ее страстные доводы в защиту своего народа подкрепляли мои растущие сомнения, пока я не смог убедить даже самого себя, что Асгард прав. Война закончилась нашим браком, но Хела отказалась принять его. Когда она поняла, что мы теперь не только не покорим Ванахейм, но и в будущем не сможем продвигаться вперед в завоеваниях, она попыталась узурпировать мою власть. В тот день она убила всех во дворце. Когда она отправилась за Фриггой, я открыл ворота в Нифльхейм. Там она и остается с тех пор. И да, я хотел, чтобы она осталась там после моей смерти".

У Тора голова шла кругом. Все части складывались в единое целое, но они так сильно отличались от того, чему его учили с детства. Общепринятое понимание войны между асами и ванами заключалось в том, что она была вызвана в основном разногласиями по поводу торговли. Асгард никогда не представляли на его уроках безупречным, но его роль определенно преуменьшали. Ему нужно было время, чтобы обдумать все, что он узнал.

"Ты сказал, что видел, как мы все трое умерли", — сказала Фригга, не сводя глаз с Локи. "Если

смерть Одина освободила Хелу, то это она..."

"Нет", - сказал Тор. Все, что осталось от его гнева, улетучилось, сменившись старой печалью. "Ты была убита темным эльфом за четыре года до возвращения Хелы". Под шум ужасающего возмущения Одина он быстро пояснил. "Я не знаю, солгал ли дед об их поражении или Малекит обманул его, но они лежали в ожидании на своем замаскированном корабле все эти пять тысяч лет. Они напали, когда Эфир снова появился. Локи чуть не погиб, чтобы отомстить за мать, но его убил Безумный Титан, всего через несколько недель после того, как мы победили Хелу".

Один подошел к одному из кресел вокруг камина и опустился на него, проведя руками по лицу. Гери и Фреки шаркали рядом с его ногами, издавая тихие скулящие звуки, но он не обращал на них внимания. "Это наследие Бури?" - спросил он. "Величайший враг Бёра все еще жив, демон, убивший Вили и Ве, все еще жив, тюрьма Хелы рухнет, а Танос вернется". Он поднял глаза на Тора. "Норны, должно быть, послали тебя обратно, чтобы наказать меня за мои неудачи".

Тор выдержал взгляд Одина. Он не хотел утешать своего отца. Это были действительно тяжкие ошибки, и он уже пережил их последствия. Возможно, он был глупцом, но ему было неприятно видеть мужчину, на которого он всю жизнь равнялся, таким побежденным. "Или же они отправили меня в прошлое, чтобы я успел остановить их, пока не стало слишком поздно", — сказал он. "Вот почему мы с Локи отправились в Мидгард, и вот почему я хочу заключить союз с Ётунами. С хорошей поддержкой мы сможем остановить эти события. Но прежде чем мы сможем приступить к этому, остается еще один секрет, который ты скрыл от нас".

Глаза Одина расширились. Тор посмотрел на Локи, который теперь был белее белого листа. "Ты обязан рассказать Локи правду. Если ты не скажешь ему, это сделаю я".

Локи думал, что он уже принял и осознал новость о том, что у него и Тора есть сестра-психопатка, с которой им придется иметь дело в ближайшем будущем, но оказалось, что она была лишь начальной ниточкой, которая распутает гобелен всего, что он понял об Асгарде и роде Бури. И все же вся эта история, зарытая в землю, не была тайной, которую скрывали от него родители. Что же это может быть?

"Ты зашел слишком далеко!" - сказал Один. Его голос, казалось, доносился с огромного расстояния.

"Один, — сказала Фригга, - он прав. Мы не должны были скрывать правду от Локи".

"Мы сделали это, чтобы защитить его!"

"Возможно, это имело смысл, когда он был мальчиком, но уже давно это не более чем оправдание", — сказала Фригга. "Он заслуживает того, чтобы знать". Она встретила взглядом с Одином. В конце концов, он отвел взгляд.

"Тор, оставь нас", — сказал он.

Это вывело Локи из его шока и он уставился на Тора. Его брат выглядел крайне не готовым, но, очевидно, собирался подчиниться. "Нет", — сказал Локи. Мольба прозвучала слабо и хрипло.

Тор закрыл пространство между ними и положил руки на плечи Локи. "Все будет хорошо, брат, но ты должен поклясться, что после этого найдешь меня".

"Я...", — сказал Локи, откинувшись назад и смотря куда угодно, только не на Тора.

"Поклянись!" - сказал Тор, слегка встряхнув Локи. "Твои собственные мысли будут твоими злейшими врагами, и ты не должен оставаться с ними наедине".

Локи сглотнул. "Я клянусь."

Тор одарил его угрюмой улыбкой и кивнул. Он взглянул на Фриггу, потом на Одина и вышел из кабинета.

"Иди сюда, дорогой, — сказала Фригга и осторожно потянула Локи к креслу, стоящему прямо напротив того, на котором сидел Один. Они сели так, что она оказалась слева от него, а Один - справа.

"О чём рассказал тебе твой брат?" - спросил Один.

"Только то, что есть какая-то страшная тайна, которую ты от меня скрываешь".

"Он сказал "страшная"?" - спросила Фригга, накрывая его руку своей.

"Нет", — признался Локи. Надеясь отвести дальнейшие вопросы, он бросил один из своих. "Может, у меня какая-то страшная болезнь, которую не может вылечить даже Эйр?" Он не считал это вероятным. В детстве он болел чаще, чем Тор или любой из друзей, но серьезных болезней никогда не было.

"Что?" - спросил Один. "Нет, конечно, нет".

"Ты ограничил мою силу, как ограничил силу Тора?"

"Не так, как у Тора", — сказала Фригга.

"В твоём случае это было лишь результатом твоего незнания", — сказал Один.

"Тогда что же это?"

Один и Фригга обменялись долгим взглядом. Локи всегда подозревал, что его родителям не нужен даже безымянный язык для приватного общения, и сейчас это выглядело особенно правдоподобно. Через несколько секунд Фригга сжала его руку, но заговорил Один.

"Как ты знаешь, ты родился в конце войны с Ётунхеймом".

"Неужели я сейчас узнаю, что Асгард вел эту войну несправедливо?" - спросил Локи, лишь наполовину шутя.

"Нет", — ответил Один. "Эпоха завоеваний нарушила многие отношения Ётунхейма с другими царствами и, конечно, способствовала возникновению враждебных чувств между асами и ётунами, но война стала неизбежной только после того, как Лафей нацелился на Мидгард".

"А при чем здесь Ётунхейм или война?" - спросил Локи, нахмурившись.

"Во всем", — ответил Один. Локи уставился на своего отца, и его охватило ужасное предчувствие.

"С тех пор, как мы поженились, — сказала Фригга, - мы всегда хотели иметь больше одного

ребенка, и не только как запасной вариант для линии наследования. Мы оба выросли с братьями и сестрами, с которыми были очень близки, и мы хотели того же в нашей семье".

"Я иногда задумывался, не лучше бы Хеле было иметь брата или сестру, чтобы любить и заботиться о них с ранних лет, — сказал Один, — но сейчас, очевидно, уже слишком поздно для этого".

"У нас был Тор в середине войны", — сказала Фригга. "Мы никогда не думали, что младший брат и сестра появятся так скоро, но менее чем через двадцать лет я снова забеременила. Он казался ярким светом, который перенесет Асгард в мирные времена". Хотя она улыбалась, в ее глазах была боль, когда она говорила это. Локи не мог этого понять, но от этого зловещее чувство усиливалось.

"Я уже знаю все это", - медленно произнес он.

"Да, — сказала Фригга, - но есть еще кое-что. Гораздо больше".

" В Ётунхейме Хугин и Мунин принесли мне весть о ребенке", — сказал Один. "Эта новость подняла дух воинов Асгарда, и мы пошли дальше, с каждой битвой завоевывая все новые и новые земли. Мы заставили их отступить до самого Утгарда. Когда мы осадили их столицу, наши шпионы узнали о смерти Фарбаути вместе с ее нерожденным ребенком. Я хотел отложить битву, чтобы дать Ётунам время оплакать и почтить память своей королевы и младенца, но Лафей не желал жалости Асгарда".

"Как умерла Фарбаути?" - спросил Локи. Даже среди долгоживущих рас Иггдрасиля деторождение было сопряжено с риском, но ему казалось подозрительным, что королева и ее ребенок умерли прямо накануне последней битвы. Локи приготовился узнать, что это дело рук убийцы-аса, действовавшего по приказу Одина, чтобы понизить боевой дух врага, поэтому ответ Одина застал его врасплох.

"Согласно тому, что подслушали мои шпионы, у нее случился выкидыш, и впоследствии она покончила с собой от горя".

Вот это было интересно. Значит, не ас. "Ты не поверил", — сказал Локи.

"У меня были сомнения. Позже Хеймдалль подтвердил их. Среди ётунов существует странное состояние, при котором раньше срока рождается один младенец из нескольких тысяч, уже полностью развитый и способный выжить вне утробы матери. Эти дети вырастают размером с аса, но они наделены силой, намного превосходящей силу их более крупных сородичей".

"Маленькие великаны?" - недоверчиво спросил Локи. "Я никогда не слышал о таком".

"Это потому, что Лафей сделал все возможное, чтобы искоренить их", — сказала Фригга. Пока она говорила, Один поднялся на ноги и начал ходить вдоль края потрескивающего костра, сцепив руки за спиной и сильно нахмутив брови. "Возможно, он боится, что, получив шанс, они объединятся с существами большего размера, или что они используют свою силу, чтобы свергнуть его".

"И что же он делает, сбрасывает их со скал?" - спросил Локи.

"О нет, он слишком хитер для этого", — сказал Один, поворачиваясь и шагая в другую сторону. "Он поступил просто: назвал этих маленьких ётунов "skamrbarn"".

Локи помрачнел. Этот термин можно было истолковать как просто "низкорослые дети", но skamr также означало "уродливый" или "мутировавший".

"С тех пор он потратил более века, чтобы посеять подозрения и недоверие. К тому времени, когда лидеры религии Ётунхейма объявили, что их боги призвали вернуть им всех skamrbarn, чтобы на Ётунхейм не пало проклятие, люди, наиболее преданные Лафею, были готовы это услышать. Несколько маленьким ётунам удалось бежать из Ётунхейма прежде, чем их успели притащить к алтарям храма. Храбрые матери и отцы рисковали всем, чтобы отправить своих малышей в Альфхейм, где они были бы в безопасности, но многие были схвачены, обвинены в ереси и казнены."

<http://tl.rulate.ru/book/65131/2054525>